

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И. А. Ладынин

ПОНЯТИЕ ЭЛЛИНИЗМА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ стадиальность и закономерность или историческая конкретность и случайность?*

В статье анализируются теоретические и мировоззренческие предпосылки к восприятию эллинизма как этапа в развитии рабовладения (А.Б. Ранович) и как конкретно-исторического явления (К.К. Зельин), сильные и слабые стороны этих позиций и их судьба в науке конца XX – начала XXI в. По мнению автора, эллинизм (состояние греческого мира после завоеваний Александра) является не столько этапом в каком-либо процессе, сколько конкретной формой выхода греческого полиса из его кризиса в IV в. до н.э.

Ключевые слова: древность, эллинизм, марксизм, полис, синтез, Греция, Восток, Александр Великий

Когда концепция эллинизма как этапа в развитии рабовладельческого способа производства, присутствовавшая в советской историографии, связывается однозначно с именем А.Б. Рановича, мало кто вспоминает, что это, в сущности, несправедливо. Конечно, Ранович изложил свое видение эллинизма наиболее подробно (в т.ч., в отдельной книге, вернее, во введении к ней)¹, а также обрел эрудированного и педантичного (в лучшем смысле слова) оппонента в лице К.К. Зельина², но сходное понимание эллинизма в советской науке 1930–1940-х гг., можно сказать, носилось в воздухе³ и отразилось в общих работах и учебниках С.И. Ковалева⁴, В.С. Сергеева⁵, К.М. Колобовой⁶. Примечательно, что сначала на уровне некоторых формулировок примыкал к этой позиции и

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№17-05-0051) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2017 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

¹ Ранович 1950. С. 10-39; см. также Ранович 1945; 1949.

² Зельин 1950; 1953; 1955.

³ См.: Фролов 1999. С. 418-419.

⁴ Ковалев 1936. Ч. 2. С. 5-7; 1949. С. 9; см. Крих, Тарасова 2014.

⁵ Сергеев 1934. С. 298; ср. менее социологизированные и более расплывчатые формулировки: Сергеев 1939. С. 305; 1948. С. 399.

⁶ Колобова, Глускина 1958. С. 332; данная позиция Колобовой сформировалась существенно раньше и отразилась, в частности, в ее неопубликованном курсе истории эллинизма (Фролов 1999. С. 418); см. подробнее: Климов 2008. С. 583-584.

сам Зельин⁷. Критиковать ее легко: коль скоро эллинизм – этап в социально-экономическом развитии античного, т.е. греческого общества, достаточно спросить, какие чисто экономические новации он принес в формах эксплуатации или в развитии товарно-денежных отношений, – причем такие новации, которые не обозначились ранее и были результатом эволюции греческого общества, а не его экспансии на Восток. Конкретного ответа на этот вопрос у Рановича нет: согласно его формулировке, «исторически неизбежный процесс возникновения и падения эллинистического мира» включал такие составляющие, как «временный значительный подъем производительных сил, укрепление позиций рабовладельческого класса, затем новый кризис всей системы, углубление классовых противоречий, и, наконец, утрата политической независимости⁸. Анализируя ее, Зельин справедливо заметил, что «с равным правом она может быть приложена к классической или римской эпохе»⁹.

Антитеза позиции Рановича, предложенная Зельиным («Эллинизм не является этапом в развитии античного рабовладельческого общества, и использование этого термина для обозначения этапа может только запутать и без того сложную проблему этапов развития древних обществ...¹⁰ Эллинизм представляет собой сочетание и взаимодействие эллинских и местных (главным образом, восточных) начал в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре»¹¹), стала если не общепринятой, то, во всяком случае, наиболее распространенной в советском и постсоветском антиковедении¹². Возможно, это связано с тем, что отечественная историография не слишком сильна в создании схем, мотивированных не ценностью, а логически, а работы Зельина впечатляли именно логическими построениями¹³. Однако позднее Э.Д. Фролов оценил позицию Зельина как «отказ

⁷ «Обыкновенно эллинизм определялся довольно обще, как слияние греческих и восточных элементов. ...Необходимо внести в него (в определение эллинизма – *И.Л.*) большую четкость, что может быть достигнуто только выяснением реальных основ эллинистической культуры, социально-экономических условий возникновения и развития эллинистического общества. Переход от эллинской к эллинистической эпохе... являлся перестановкой в социальных отношениях и изменением хозяйственной жизни» (Зельин 1938. С. 341).

⁸ Ранович 1950. С. 231.

⁹ Зельин 1955. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 100. Начиная свое суждение со слов об этапе «в развитии античного рабовладельческого общества» ученый далее говорит об этапах «развития древних обществ» вообще. В таком случае эти понятия для него, по существу, тождественны.

¹¹ Там же. С. 104.

¹² Историография 1980. С. 362; Кошеленко 1990. С. 12; Сапрыкин 2008. С. 215; Габелко 2009. С. 171; Суриков 2015. С. 20.

¹³ См. опыт К.К. Зельина по упорядочению применения марксистских исследовательских категорий на основе формальной логики: Зельин, Трофимова 1969. С. 1-33.

от попыток определить эллинизм по существу» (добавив, впрочем, что «время для общего определения эллинизма, очевидно, еще не наступило»¹⁴), а еще через некоторое время Г.А. Кошеленко сказал о ней: «сейчас видны и ее слабые стороны»¹⁵. Едва ли в 1980-е и в начале 1990-х гг. они стали виднее, чем изначально, поскольку это суждение сопровождалось очень простым доводом: если эллинизм – синтез греческих и восточных начал, то в чем он проявился в Греции и Македонии? По мнению Кошеленко, «ни в социально-экономической, ни в политической структуре этих стран не было никаких признаков сколько-нибудь значительного влияния восточных начал» и, кроме того, «здесь... отсутствует одна из наиболее характерных для эллинистического Востока черт – династийный культ»¹⁶. Однако Греция и Македония были столь прочно интегрированы в систему взаимодействий эллинистической ойкумены, что отказ от их признания ее частью был бы неправомерен¹⁷. Контраргументы к такому доводу при желании тоже можно найти – например, в распространении в эллинистических Греции и Македонии восточных культов, более широком, чем ранее. Кошеленко предвосхитил ссылку на это замечанием, что «все-таки это – маргинальное явление греческой культуры»¹⁸, - уязвимым, ибо оценка значимости таких явлений достаточно субъективна, а их незначительность не отменяет само их наличие как симптомов греко-восточного синтеза. Пожалуй, более веским ответом на такой контраргумент был бы вопрос, сводится ли вся специфика времени эллинизма в Греции и Македонии лишь к этим элементам греко-восточного синтеза – неважно, значимым или маргинальным.

Пока не оцененный аспект позднесоветской и постсоветской дискуссии об эллинизме – попытки обнаружить его симптомы в обществах, находящихся вне его общепринятых территориальных и хронологических рамок. Предпринявшие их ученые, с одной стороны, разделяли позицию К.К. Зельина (как минимум, не возражали против нее), с другой – полагали, что понятие эллинизма имеет общеизвестное и не требующее обоснования наполнение. Так, согласно Е.М. Штаерман, для «классических типов» эллинистических государств характерны сосуществование крупных царских хозяйств с хозяйствами полисов и с традиционными укладами, а также сакрализованная царская власть, которая опиралась на мощную администрацию и ограничивала автономию полисов. Римско-италийское государство Поздней Республики основано на иных принципах и не может считаться эллинистической структурой; однако характер

¹⁴ Фролов 1982. С. 17-18.

¹⁵ Кошеленко 1990. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ См. также: Суриков 2015. С. 22-23.

¹⁸ Кошеленко 1990. С. 13.

ной чертой эллинизма был и определенный тип культуры, который как раз оказал мощное влияние на Рим, хотя не изменил традиционного самосознания его элиты¹⁹. Независимо от Штаерман С.Ю. Сапрыкин фактически свел понятие эллинизма к тем же моментам – сравнительно равновесному сочетанию в экономике царского и полисного хозяйств и распространению однородной, эллинской в своей основе культуры. Оговорив приверженность подходу Зельина, он отметил, что эти явления наблюдаются в римском мире уже после 31–30 гг. до н.э.: «Этот второй период истории эллинизма можно условно назвать постэллинизмом»²⁰. По мнению Сапрыкина, вплоть до римского времени «в эллинистических “малых” государствах Восточной Малой Азии и Закавказья преобладали местные... социально-экономические структуры»²¹. Лишь после побед Рима над Арменией и Понтом в его провинциях и вассальных царствах начинается «насаждение эллинизма» – усиление позиций полисов, в т.ч. путем передачи им царских владений и широкого градооснования. А в Боспорском царстве, возникшем на основе симмахии полисов, эллинистическая трансформация в I в. до н.э. выразилась, напротив, в сложении крупного землевладения царей и «проиранской местной аристократии», причем эти земельные отношения существовали до середины III в. н.э.²²

Оба ученых исходят из того, что эллинизм – это модель, включающая довольно стандартный набор признаков. Понятно, почему такое видение эллинизма оформилось именно в их работах: говоря о том, наблюдается ли то или иное явление вне его общепризнанного ареала, следует сначала усвоить, чем оно является в нем самом. Согласно этим исследователям, данная модель была сформирована греко-восточным синтезом, начавшимся после завоеваний Александра, но далее к ней могли «подтягиваться» самые разные общества. Штаерман отрицала намерения Цезаря реорганизовать по этой модели римское государство («кроме как на распускавшихся его противниками слухах такое предположение ни на чем не основано»)²³; но само признание ею наличия таких слухов показывает, что, по ее мнению, римляне вполне осознавали наличие такой модели. Безусловно, Штаерман и Сапрыкина нельзя упрекнуть в отказе «от попыток определить эллинизм по существу», как сказал Фролов о концепции Зельина: если в ней понятие эллинистического синтеза обрисовано широко и аморфно, то у этих ученых оно сведено к порождаемой этим синтезом модели. Однако они так и не отве-

¹⁹ Штаерман 1992.

²⁰ Сапрыкин 2008. С. 218; см. другую его трактовку этого термина: Гаيبов, Кошеленко, Сердитых 1992. С. 31–32; Ладынин 2004. С. 148–149.

²¹ Сапрыкин 2008. С. 221.

²² Там же. С. 223–227, 229–231.

²³ Штаерман 1992. С. 142.

тили на вопрос, что предопределило ее востребованность в греческом мире, которому ее важнейшие компоненты были изначально чужды.

И.Е. Суриков отметил еще один нюанс позиции Сапрыкина: в его утверждении, что на Боспоре эллинизм наступает позже, чем в Восточном Средиземноморье²⁴, «прочитывается... презумпция, согласно которой эллинизм – именно этап, который рано или поздно должен наступить в рассматриваемом автором регионе». Еще четче эта «презумпция» видна в обсуждавшейся статье Сапрыкина, трактующей вопрос о «хронологических границах» эллинизма. Однако такая постановка вопроса противоречит декларируемой Сапрыкиным приверженности концепции Зельина, согласно которой эллинизм вообще не является этапом и, стало быть, не должен оцениваться с точки зрения хронологических границ²⁵. Думается, Суриков не вполне прав, поскольку восприятие эллинизма Штаерман и Сапрыкиным как определенной модели, по сути, модифицирует позицию Зельина и возвращает к трактовке эллинизма как этапа, только, конечно, не в эволюции рабовладения: для этих ученых эллинизм – это этап, на котором данная модель формируется и распространяется. Гораздо более существенно, что замеченная Суриковым презумпция неискоренима и в построениях самого К.К. Зельина. Определяя эллинизм как совокупность конкретных явлений греко-восточного взаимодействия, он хочет отвести очевидное возражение, что тогда об эллинизме надо говорить еще с VIII в. до н.э.: «процесс взаимодействия в эллинистический период происходил в иной исторической обстановке, обусловленной развитием греческих рабовладельческих полисов, Македонии, восточных государств и племен к концу IV в. до н.э.; он протекал в совершенно иных масштабах, отличался иной интенсивностью и характером»²⁶. В этом пояснении не вызывает вопросов только упоминание «масштаба»: стоило бы пойти дальше и сказать прямо, что такой масштаб греко-восточного взаимодействия стал возможен лишь после завоеваний Александра. В остальном пояснение Зельина напрашивается на контрвопросы: что именно в развитии обществ Греции, Македонии и тем более Востока подготовило эллинизм? Чем характер греко-восточного взаимодействия в условиях эллинизма отличается от его более раннего качества, помимо масштаба? Ответ Зельина на последний вопрос в аспекте, существенном для историка-марксиста, имеется в другой его формулировке: «Общие условия экономической жизни изменились: возникли новые большие государства, представлявшие собой сложные хозяйственные организмы»²⁷. Эту фразу можно отнести к державе Ахе-

²⁴ Сапрыкин 2002.

²⁵ Суриков 2015. С. 20.

²⁶ Зельин 1955. С. 104.

²⁷ Там же. С. 107.

менидов²⁸ не с меньшим, а с большим основанием, чем к эллинистическим царствам, так что ее нужно «договорить до конца»: видимо, речь идет о «больших государствах» с мощным слоем греко-македонского населения²⁹. Но тогда опять же нужно «договорить», что такие государства возникли лишь после завоеваний Александра. Как видно, его деяния – необходимая предпосылка того качества греко-восточного синтеза, которое имеется в виду в определении эллинизма, данном Зельиным.

Однако в таком случае сторонникам концепции Зельина (как и ему самому) не следовало бы чуждаться определения эллинизма именно как *эпана*. Вообще же понимание его как эпохи, начавшейся со времени Александра, было свойственно еще И. Дройзену, предложившему в 1833 г. сам термин «эллинизм»³⁰, и общепринято в мировой науке до сих пор³¹. При этом если определение финального рубежа эллинизма дает некий повод для дискуссий (см. о статье Сапрыкина выше и о подходе к этому вопросу Х.-И. Герке в прим. 31), то его начало не вызывает сомнений: ни один исследователь не назовет эллинистическим царем отца Александра Филиппа II. Эллинизм – это, вне сомнений, эпоха «со времени Александра и далее» на уровне консенсуса исследователей, восходящего к труду введшего этот термин Дройзена.

²⁸ См. о т.н. проблеме «предэллинизма» в Передней Азии, под которым понимается как раз время ее интеграции в составе Ахеменидской державы: Briant 1982. P. 291–330; Вейнберг 1989

²⁹ См. о проблеме господствующего слоя («этнокласса») македонян и греков в эллинистических государствах Востока: Briant 1982. P. 227–280; Мель 2005.

³⁰ Дройзен 1890–1893. Т. 1. С. 1).

³¹ В «Кембриджской древней истории» эллинизм – это эпоха, наступившая *после* смерти Александра, что, однако, не слишком меняет дело; сам этот термин вводится «по умолчанию», без какого-либо специального обсуждения (Cambridge Ancient History 1984). В 2000-е гг. истории эллинизма были посвящены два издания в жанре «спутников» (companion): в одном из них эпоха Александра включена в период эллинизма (Cambridge Companion 2006. P. 9–27), а в другом началом эллинизма считается смерть Александра (Companion 2003. P. 2, 22–34); в обоих финалом эллинизма, по традиции, признается 31–30 гг. до н.э. (включение Египта в состав Римской державы; Companion 2003. P. 2; Cambridge Companion 2006. P. XXII, 2). Введения к этим изданиям очерчивают проблемы, актуальные в изучении эллинизма, однако само это понятие опять же признается не требующим рефлексии. В компендиуме Х.-И. Герке эпоха эллинизма определяется как время «открытия Востока», изменившего приоритеты в политической и экономической жизни греков, что в свою очередь было подготовлено предшествующим этапом истории Греции (Gehrke 2008, S. 1–3). Хронологические границы эллинизма при этом не определяются, однако само это явление названо «ограниченным временным континуумом» (ein eindeutig begrenzbares zeitliches Kontinuum: Idem. S. 1); время Александра, в следовании традиции Дройзена, включается в изложение (Idem. S. 4–29, 136–158), а финал эллинизма предстает не единовременным рубежом, а довольно длинным этапом (от победы римлян над Македонией при Пидне в 168 г. до н.э. до подчинения ими Египта; Idem. S. 128–131).

Вернемся к нашему замечанию о том, что этапом в социально-экономической истории древности эллинизм считал не один Ранович, и отметим, что оно справедливо не только по отношению к советской науке. Строго говоря, как этап в развитии общества эллинизм рассматривал уже Дройзен, видевший, однако, основу хода истории не в материальном, а в духовном начале: по его мнению, сложение в эпоху эллинизма «космополитической цивилизации» на основе греческого рационализма было предпосылкой к отказу от язычества и к торжеству этических религий³². Однако на рубеже XIX и XX вв. стало актуально построение экономических парадигм исторического процесса. Встраивать в них понятие эллинизма, воспринятого как исторический этап, было естественно; и вне советской историографии в 1920–1940-е гг. такую возможность показал М.И. Ростовцев – последователь циклистской методологии Э. Мейера³³ и создатель фундаментальной «Социально-экономической истории эллинистического мира»³⁴.

С.Б. Крих писал о «показном невнимании» Рановича к труду Ростовцева: в своей книге Ранович «не сознается», что материал этого труда важен для его собственного исследования, но упоминает Ростовцева особенно и, кроме того, ведет с ним скрытую полемику³⁵. Как рецензент труда Ростовцева (см. далее), Ранович знал, что тот формулировал целостную и динамичную, хотя и не лишенную противоречий концепцию эллинизма как явления социально-экономической истории³⁶. По Ростовцеву, экспансия на Восток была для Греции IV в. до н.э. выходом из кризиса перенаселения и перепроизводства товаров. Греки и македоняне преобразовали общество Востока, придав ему рациональную организацию и динамизм: так, в Египте появляются плановая экономика, подчиненная государству, и предпринимательство на розданных в условное владение участках земли³⁷. Единство эллинистического мира, инициативной элитой которого («буржуазией») были греки, придало мощный импульс развитию экономических связей и торговли. И греческий и во-

³² Дройзен 1890–1893. Т. 1. С. 379–382.

³³ См.: Хайнен 1992. С. 166.

³⁴ Rostovtzeff 1941.

³⁵ Крих 2013. С. 142, 148.

³⁶ См. о ней в связи с работами Ростовцева по птолемеевскому Египту, откуда происходит наиболее обильный по сравнению с другими регионами эллинистической ойкумены документальный материал папирусов: Хайнен 1992.

³⁷ Х. Хайнену явно казалось противоречивым одновременное употребление Ростовцевым еще в ранних его работах понятий «коммунизм» (для характеристики контроля государства Птолемея над экономикой) и «капитализм» (для характеристики монетарных, как мы сказали бы сейчас, методов управления ею и предоставлявшихся в ее рамках возможностей для предпринимательства; Там же. С. 166–167). Немецкий ученый, однако, не наблюдал организации экономики и особенностей предпринимательства в России на разных этапах ее истории XX в.

сточный миры в эпоху эллинизма выходят на новый этап своего развития: для Востока это переход от застойного натурального хозяйства к интенсивным товарно-денежным отношениям, для Греции – переход самих этих отношений на качественно более высокий уровень.

Общие оценки труда Ростовцева Рановичем мы видим в ряде его работ: в рецензии на этот труд; в обобщающих статьях, одна из которых вышла в 1945 г., а другая – уже после смерти Рановича, в 1949 г., и, очевидно, писалась в предыдущие два-три года; наконец, во введении к книге об эллинизме, опубликованной еще позже, в 1950 г. Суждения Рановича во всех этих публикациях взаимосвязаны и в значительной мере повторяются текстуально. Он оценивает скорее позитивно то, что «Ростовцев расходится с большинством буржуазных историков в оценке эллинизма как явления лишь культурно-исторического» и «рассматривает “эллинистический мир”... как единство политическое и экономическое»³⁸. Ростовцев «не сумел обнаружить и показать какие-либо закономерности, найти основную линию развития эллинистической экономики, но «не потому, что... не чувствует потребности в этом»³⁹. Напротив, ученый «пытается выделить основные, ведущие “факторы”, осмыслить исторический процесс, показать экономическую базу эллинизма»; но он «не видит основного, – что развитие обществ определяется развитием производственных отношений... не приемлет учения о социально-экономических формациях», поэтому его работе свойственно «неумение ввести отдельные явления в систему»⁴⁰. Разумеется, Ранович критикует и модернизаторский подход Ростовцева: «Для характеристики социальных отношений в период эллинизма он применяет термины “буржуазия”, “пролетариат”, “феодалы”, “крепостные”, не задумываясь над спецификой сходных лишь по видимости явлений»⁴¹. А роль, отведенная в становлении эллинизма греческому духу, проникшему на Восток, заставляет Рановича сказать, что Ростовцев «не мог в объяснении роста и упадка эллинистических государств и эллинистической экономики пойти дальше психологических мотивов»⁴².

Эти оценки кочуют из одной публикации Рановича в другую, отсутствуя в таких формулировках только в рецензии на труд Ростовцева, что понятно: там дается подробная и конкретная аннотация его содержания. При этом одно суждение в этих публикациях постепенно купируется вплоть до полного исчезновения. В рецензии Ранович с определенным энтузиазмом выделяет два тезиса Ростовцева, которые состоят

³⁸ Ранович 1950. С. 13–14; ср. Ранович 1945 (2). С. 101; 1949. С. 12–13.

³⁹ Ранович 1950. С. 14; ср. Ранович 1945 (2). С. 101; 1949. С. 13 (менее явно).

⁴⁰ Ранович 1950. С. 14; ср. Ранович 1945 (2). С. 101; 1949. С. 13.

⁴¹ Ранович 1950. С. 15. Ср.: Там же. С. 11; Ранович 1945 (2). С. 101–102; 1949. С. 14.

⁴² Ранович 1950. С. 15; ср. Ранович 1945 (2). С. 102.

в признании эллинистического мира политическим и экономическим единством и в «характеристике эллинизма как прогрессивного этапа в истории человечества (далее следует цитата – *И.Л.*)»⁴³. В статьях 1945 и 1949 гг. слова о том, что эллинизм для Ростовцева – «прогрессивный этап в истории античности», имеются, но гораздо менее акцентированы⁴⁴. В книге Рановича их нет вовсе, что можно объяснить ситуацией 1949–1950 гг., когда она готовилась к печати: мрачный фон «борьбы с космополитизмом» не располагал к открытому признанию, что эмигрант и буржуазный ученый может, как и советские историки, видеть в прошлом процесс поступательного развития. Но такая купюра согласуется и с задачами этой книги: заявленная в ней претензия на создание нормативной марксистской концепции эллинизма естественно дополнялась стремлением представить дело так, что прогрессивным этапом в истории древности его могут считать только историки-марксисты.

Не менее примечательно, что если в рецензии Рановича концепция Ростовцева аннотирована детально, то последующие публикации не дают о ней ясного представления. Куда подробнее Ранович характеризует в них концепцию У. Тарна, для которого эллинизм был не социально-экономическим, а в первую очередь культурным явлением⁴⁵. Такому пониманию эллинизма Ранович в своих статьях и в книге придает статус главной (и оспариваемой) альтернативы собственной концепции⁴⁶, не удостаивая этого статуса концепцию Ростовцева. В рецензии Ранович находит для оценки труда Ростовцева эмоциональные и, думается, искренние (разумеется, в свете его убеждений) слова: «В рамках этой идеологии Ростовцеву-ученому тесно, он невольно иной раз прорывает их; но он не в силах вырваться из плена буржуазной концепции... находясь все же под влиянием марксистской литературы, он пытается выделить основное, осмыслить исторический процесс, показать экономическую базу эллинизма»⁴⁷. Возможно, работая над рецензией (видимо, в течение последнего года войны), Ранович хотел представить взгляды Ростовцева как дающую повод для возражений, но достойную (фактографически, а в чем-то и идейно) альтернативу собственной концепции. Однако уже вскоре после войны, при усилении идеологического диктата возможность к этому отпала, и в итоге Ростовцев предстал лишь эпигоном социально-экономической трактовки эллинизма, не слишком удачливым «вследствие буржуазной ограниченности его творческих установок»⁴⁸.

⁴³ Ранович 1945 (1). С. 94.

⁴⁴ Ранович 1945 (2). С. 101; 1949. С. 13.

⁴⁵ Ранович 1945 (2). С. 100; 1949. С. 11–12; 1950. С. 12.

⁴⁶ Ранович 1950. С. 11–13, 32.

⁴⁷ Ранович 1945 (1). С. 98–99.

⁴⁸ Ранович 1950. С. 14.

Такая оценка концепции Ростовцева была единственно возможной с позиций советского марксизма того времени: как учение догматическое, он берег свою монополию на верный путь к достижению истины и не мог мириться с поиском иного пути к ней на собственном поле «соцэка». Если в 1920-е гг. в советском марксизме еще была возможность относительно свободного взаимодействия с немарксистскими концепциями, основанными на социально-экономических парадигмах⁴⁹, то в 1930-е гг. в нем утвердилась практически линейная схема исторического процесса, признававшая один детерминирующий его фактор – эволюцию форм эксплуатации⁵⁰. Для советских историков-марксистов 1930–1940-х гг. было совершенно естественно – и неизбежно – видеть в эллинизме этап развития одной из форм эксплуатации (разумеется, рабовладения), коль скоро они в принципе твердо знали, что эллинизм – это именно этап. На вопрос, откуда они и критикуемый ими Ростовцев знали это столь твердо, можно ответить точно: от Дройзена. Зельин и сторонники его концепции, строго говоря, допустили серьезную методическую ошибку: они забыли, что термин «эллинизм» не сложился естественным образом (как «Французская революция», «Великая депрессия» и т.п.), а был «авторским», и его создатель вложил в него совершенно определенный смысл обозначения исторического этапа. При реинтерпретации такого термина можно изменять или расширять его сущностное наполнение; но полностью менять характер его употребления (в данном случае, перестать обозначать им исторический этап), и все же продолжать использовать, а не заменять чем-то новым не столь уж корректно. Эта методическая ошибка была закономерным следствием научной добросовестности Зельина, его стремления быть строгим в описании и классификации исторических фактов – следуя при этом марксистской методологии. Ее Зельин явно воспринимал как действенное исследовательское орудие, а не навязанные правила игры: это видно по его выкладкам, связанным с принципами классификации форм зависимости (см. выше прим. 13). Как ученый, он не считал правильным признать эллинизм *этапом в эволюции рабовладения*, но как приверженец марксистской теории не мог признать, что столь значимый этап мог быть детерминирован чем-то кроме эволюции форм эксплуатации (см. прим. 10). При этом, опять же как ученый, он сознавал и, что важнее, наблюдал на материале источников, что употребление этого термина оправданно, что он соответствует необычайно значимому, общему для обширной территории явлению. Но тогда оставалось одно: пойти на полную (как мы сказали, некорректную) ревизию его употребления Дройзеном и заявить, что эллинизм – это *не этап вообще*.

⁴⁹ Крих 2013. С. 74–83.

⁵⁰ Ладынин 2016. С. 12–16.

Однако методология изучения древней истории в СССР на протяжении последних трех десятков лет его существования сильно трансформировалась. К 1980-м гг. в советской историографии оформились две масштабные концепции, претендовавшие на объяснение процессов древней истории большой протяженности: концепция путей развития обществ ранней древности, сформулированная практически единолично И.М. Дьяконовым⁵¹, и концепция эволюции древнегреческого общества, синтезировавшая выводы многих ученых и отразившаяся в знаменитом двухтомнике «Античная Греция»⁵². Взаимодополняемость этих концепций позволяла построить на их основе единую схему эволюции значительной части древних обществ, по сути дела, вплоть до рубежа нашей эры. Несмотря на марксистскую терминологию, обе эти концепции уже не были классически марксистскими, поскольку по сути постулировали иные детерминанты исторического процесса, чем эволюция форм эксплуатации. Для Дьяконова такой детерминантой было взаимодействие государства и общины в экономике разных регионов, обусловленное их экологической спецификой; для антиковедов-грецистов – эволюция полиса, также обусловленная объективными факторами⁵³.

В рамках второй схемы было достаточно полно и на уровне мировой науки того времени описано явление кризиса греческого полиса в IV в. до н.э.⁵⁴ Его суть в экономическом и политическом аспектах, на наш взгляд, сводится к следующему: полисы не выдерживают нагрузку (прежде всего, военную и финансовую), которая лежала на них как на независимых государствах, и в итоге вынуждены так или иначе встраиваться в более обширные структуры, способные эту нагрузку на себя принять (как удачно сказала Л.П. Маринович, «полис перестает быть субъектом истории и превращается в ее объект»⁵⁵). Такая формулировка сути процессов IV в. до н.э. не противоречит мнению И.Е. Сурикова о том, что в них принципиальна трансформация самосознания эллинов, их отход от ощущения себя гражданами, осуществляющими суверенную власть в своем государстве. Это изменение, безусловно, знаменательно, однако кризисные явления в экономике и политике если не предопределяли его в точном смысле слова, то во всяком случае шли с ним рука об

⁵¹ История древнего мира 1982.

⁵² Античная Греция 1983.

⁵³ См. в целом: Ладынин 2016. С. 25—27.

⁵⁴ Вместе с рядом ученых мы полагаем, что этот термин обозначает реальное явление греческого общества IV в. до н.э.; см., с обзором литературы: Глускина 1983; Маринович 1993. С. 5–19; Суриков 2011. С. 9–66. См. также о постулируемом рядом исследователей понятии «предэллинизм» и о его соотношении с понятием кризиса полиса: Глускина 1989; Габелко 2009. С. 173; Суриков 2015. С. 19–70.

⁵⁵ Маринович 1993. С. 212; ср. с характеристикой полисов эллинистического времени М.Х. Хансеном (Hansen 2006. P. 132–134).

руку. Мы поспорили бы лишь с определением Суриковым этого процесса как эволюции самосознания эллинов в направлении «от гражданина к подданному»⁵⁶. Эта формулировка Штаерман описывала процесс, происходивший в римском обществе⁵⁷, т.е. в очень большой, но все же одной гражданской общине, в которой ощущалась прямая связь граждан с формируемыми ими институтами. Эти связи в эпоху принципата и трансформировались в «подданство» – ощущение тоже прямой (по крайней мере, номинально) связи с единоличным правителем, в то время как столь же непосредственной связи граждан эллинистических полисов и монархов (как в Греции, так и на Востоке), как правило, не было. Стоит сказать и еще об одном: в контексте европейской культуры распад самосознания граждан полисов классической эпохи принимается особенно близко к сердцу, но с общеисторической точки зрения его уникальность не надо переоценивать. Мы почти ничего не знаем о том, какие перемены происходили, например, в мироощущении людей Месопотамии при соединении их городов-государств в единую державу в середине III тыс. до н.э., но едва ли они были менее драматичны⁵⁸.

Термин «эллинизм» по самому его звучанию, а также по значению, которое вкладывал в него Дройзен, правомерно все же относить к истории именно эллинского мира, а к восточному миру – лишь поскольку его затронуло распространение эллинских институтов и культуры⁵⁹. Для эллинского мира наступление эллинизма и представляло собой выход полиса из кризиса, преодоление его проблем в сферах экономики и политики при помощи встраивания полисов в суперструктуры по нескольким моделям. Одна из них, генетически связанная с классической эпохой, состояла в конституировании союзов полисов, обладавших признаками единых государств⁶⁰. Вторая – встраивание полисов в эллинистические монархии – реализовывалась на Востоке и была предопределена самим появлением этих монархий после времени Александра⁶¹. Третья модель, которую, как кажется, часто недооценивают, – это связи эллинистических монархов с формально независимыми полисами Балканской Греции и Эгейского бассейна по типу протектората, военной гегемонии или патроната (например, македонских царей и Птолемеев с Афинами на разных этапах в III в. до н.э.⁶² или Птолемеев – с «союзом

⁵⁶ Суриков 2011. С. 23, со ссылкой на: Павловская 1998.

⁵⁷ Штаерман 1985.

⁵⁸ См., напр., о кровавом подавлении мятежа в шумерских городах преемником Саргона Аккадского Римушем в середине XXIII в. до н.э.: История древнего Востока 1983. С. 243–244.

⁵⁹ Зельин 1955. С. 103, со ссылкой на: Саркисян 1952. С. 83.

⁶⁰ Larsen 1968; Сизов 1989; 1990.

⁶¹ Кошеленко 1979.

⁶² Хабихт 1999.

несиотов» в Южной Эгеиде⁶³). При этом монарх брал на себя серьезные обязательства военной защиты полисов и, в определенных обстоятельствах, их обеспечения⁶⁴. Конечно, такие связи можно найти и в IV в. до н.э.; однако в эпоху эллинизма они стали гораздо более частым явлением. Как вторая, так и третья модели надполисных структур не были бы возможны без принципиальной новации эпохи эллинизма, общей для греческого мира на востоке и на западе, – превращения в мировоззрении греков автократии из антиценности и атрибута варваров в политическую форму не менее полноценную, чем полисный строй. Однако сама эта новация состоялась в первую очередь усилиями Александра Великого: уже следующему поколению эллинистических правителей – его военачальникам, принявшим царские титулы, – стать для македонян и греков автократорами было неизмеримо легче, поскольку имелся пример автократии Александра. Сравнивая значимость в эллинистическое время трех обрисованных нами моделей, нельзя не заметить, что те из них, в которых действовали монархи, в целом играли большую роль, чем модель полисных союзов. В таком случае вариант преодоления кризиса полиса, который обозначился уже в начале эллинизма, был предопределен становлением эллинистической монархии, т.е., опять же, деятельностью Александра и идущей от него традицией.

Пока мы не сказали почти ничего о греко-восточном синтезе – главном «диагностическом признаке» эллинизма, согласно Зельину. На наш взгляд, явлением синтеза, значимым для всех частей эллинистической ойкумены, независимо от того, присутствовало ли в них «физически» восточное начало, была сама эллинистическая монархия, в оформлении которой (в т.ч. с помощью царского культа Александра и его преемников⁶⁵) восточная традиция сыграла исключительную роль. Для духовного мира эллинов рецепция восточной традиции была лишь одним из факторов новаций: по крайней мере, не меньшую роль должны были сыграть освобождение культурной жизни от норм полисного мировоззрения и, наоборот, ее подчинение интересам монархов, патронирующих центры культуры. Что касается собственно греко-восточного синтеза, следует учесть, что, например, специалисты по птолемеевскому Египту по крайней мере с середины XX в. говорят не столько об активном взаимодействии, сколько о сосуществовании людей эллинской и египетской культур в долине Нила⁶⁶. Кроме того, как показывает опыт, установление фактов рецепции египетской традиции эллинской культурой не так просто: строго говоря, каждый такой факт должен устанавли-

⁶³ Meadows 2013.

⁶⁴ О значимости для крупных полисов даровых поставок хлеба см.: Трофимова 1961.

⁶⁵ См. теперь в целом: «Боги среди людей» 2016.

⁶⁶ Préaux 1964; Ладынин 2004. С. 150—152.

ваться при помощи подробного исследования, которое выявляло бы механизмы взаимодействия этих двух культур. Не следует забывать, что на порядок менее активной была (по крайней мере, на этапе высокого эллинизма) рецепция явлений культуры «в обратном направлении» – из греческой культуры в восточную: оценка значимости этого процесса Дройзеном была, безусловно, чрезмерной. Однако в эпоху эллинизма масштабы греко-восточного синтеза, были, конечно, несравненно шире, чем до нее, – и это опять же было бы невозможно без завоеваний Александра и экспансии македонян и греков на Восток.

Итак, завоевания Александра – фокус, к которому сходятся истоки ряда явлений эпохи эллинизма. Напрашивается вопрос: значит ли это, что эллинизма не было бы без Александра? Прежде чем отвечать на него, стоит задать еще один: были ли неизбежны сама деятельность Александра и ее успех?⁶⁷ Сегодня вряд ли кто-нибудь станет настаивать, что Восточный поход был предопределен каким-то мощным объективным фактором в жизни греческого общества, подобно колониальной экспансии Нового времени. Фундаментальную роль в его подготовке сыграла пропаганда, совместившаяся со стремлением македонских царей упрочить свои позиции в мире эллинов общим с ними предприятием⁶⁸, т.е. моменты скорее конъюнктурные и субъективные. Множество обстоятельств Восточного похода и, в значительной мере, его успех (тем более масштабы этого успеха) зависели от личных черт Александра: можно не сомневаться, что его исход и последствия были бы как минимум иными, чем известные нам, если бы Александр, к примеру, погиб в его начале; а в том, что македонский царь не был неуязвим, убеждают и судьба его отца и ранения самого Александра. В истории древности найдется немало примеров, казалось бы, хорошо подготовленных, но в итоге неудачных войн против межрегиональных держав Ближнего и Среднего Востока: это и войны Рима против Парфии и сасанидского Ирана, и, за поколение до Александра, попытка египетского царя Тахоса со стотысячным войском начать войну против Ахеменидов⁶⁹. Конечно, Тахос,

⁶⁷ С позиции, согласно которой «история не знает сослагательного на-клонения», такой вопрос может показаться чуждым историческому исследованию, подобно вопросам, что было бы, если бы в августе-сентябре 1940 г. люфтваффе бомбило аэродромы и авиационные заводы Англии, а не ее города или если бы Гитлер напал на Советский Союз не в конце июня, а в начале мая 1941 г. Приятно сослаться на иную позицию, высказанную как раз в связи с проблемой исхода кризиса греческого полиса: «Нам... представляется чрезвычайно перспективным изучение разного рода альтернатив, вероятностей, модальностей в истории, обращение особенно пристального внимания на так называемые “точки бифуркации”, в которых направление исторического процесса не детерминировано и может давать разные результаты при сравнительно незначительных отклонениях от исходных условий» (Суриков, 2011. С. 63).

⁶⁸ Шахермайр 1984. С. 32–33.

⁶⁹ Briant 1996. P. 682–685, 693–694, 1019–1020.

бежавший в итоге в Персию и умерший там от обжорства (*Ael.* V.H. V.1), – это не Александр; однако никоим образом не были предопределены убийство Филиппа II, готовившего Восточный поход, и его реализация именно Александром. Между тем его неудача или ограниченный успех означали бы, что эллинистическая ойкумена на Востоке не сложилась бы вообще или, по крайней мере, в том масштабе, в каком это произошло в реальности⁷⁰. Равным образом, с личностью Александра было связано и оформление эллинистической монархии теми темпами и с тем объемом полномочий царя, что нам известны.

Без эллинистической ойкумены на Востоке кризис греческого полиса преодолевался бы в гораздо более узких географических границах (собственно балкано-эгейского региона и мира греческих колоний), а в отсутствие эллинистической монархии – по иным моделям, нежели в ее условиях и под ее влиянием. Имелись ли, однако, такие модели в действительности, и можно ли высказать сколько-нибудь обоснованные предположения об их специфике? Думается, ответить утвердительно можно на оба эти вопроса. Прежде всего, как и в известных нам условиях, существовала полная возможность возникновения надполисных объединений на основе их классической традиции, в т.ч. в синтезе с институтами единоличной власти, возникшими в IV в. до н.э.⁷¹ Далее, канун эллинизма полон опытов взаимодействия даже не отдельных полисных союзов, а объединений (хотя и номинальных) всего греческого мира с сильными монархами. Исторически первым примером такого рода был «всеобщий мир» между полисами Греции, впервые гарантированный персидским Великим царем в 387/6 г. до н.э. и возобновлявшийся неоднократно в течение 370–360-х гг. до н.э.⁷²; более прочная система неравноправного союза между полисами и монархом была создана Филиппом II по условиям Коринфского договора⁷³. При этом персонализация власти происходила бы не столько путем прямого установления монархии, сколько по традиционным моделям тирании, институционализованного или морального лидерства в союзах полисов и патроната по отношению к ним, а также модификации полномочий военачальников. Как известно, Исократ не принял той формы «протектората» над полисами, которая была реализована Филиппом II, но до этого он видел путь к их спасению

⁷⁰ Реалистичным максимумом продвижения в Азию ярый пропагандист войны греков против персов Исократ считал линию «от Киликии до Синопы», проходящую всего лишь по центру Малой Азии (*Isocr.* Phil. 120). Едва ли рассчитывал нанести Ахеменидам тотальное поражение и Тахос.

⁷¹ См. о территориальных структурах, сложившихся на основе «младшей тирании» в Фессалии и Ферах, Сицилии, в Гераклее Понтийской: Фролов 1990. С. 36–50; Суриков 2011. С. 35–42.

⁷² Рунг 2008. С. 317–381.

⁷³ Фролов 1983. С. 188–204.

от стасиса и раздоров именно в лидерстве этого царя, которое было бы сравнительно слабо формализовано⁷⁴. С другой стороны, именно иерархический союз гражданских общин стал основой таких мощных территориальных держав, как Карфаген и Рим в III в. до н.э.; и в их составе вполне успешно произошла передача функций и бремени независимого государства от отдельных общин к интегрирующей их структуре. Альтернативы эллинистическому варианту преодоления кризиса полиса, реально осуществленному в условиях экспансии греческого мира на Восток, безусловно, были и вряд ли они оказались бы менее эффективными⁷⁵. Наконец, продолжая нашу «экспертную оценку» в совсем далекую перспективу, можно сказать, что в отсутствие эллинистической ойкумены на Востоке подчинение греческих полисов и Македонии Римом было бы более легким, чем в реальности. Однако затем последовала бы конфронтация Рима с крупной древневосточной державой – преемницей державы Ахеменидов либо ею самой, если бы ее существование продлилось, – наверняка более трудная и затяжная, чем реальные войны с Понтом, Арменией, да и впоследствии с Парфией.

Подводя итоги, попробуем сформулировать суть явления, которое обозначаем термином «эллинизм». По-видимому, справедливо связывать закономерности развития эллинского мира с эволюцией полиса. В ее рамках на определенном этапе были закономерны кризис полиса, т.е. утрата им способности нести нагрузку независимого государства, а затем его преодоление, т.е. конституирование надполисных структур, которые приняли на себя эту нагрузку⁷⁶. Термин «эллинизм» фактически относится к тому варианту конституирования этих структур, который реально осуществился вследствие завоеваний и деятельности Александра Великого, при том что сами эти события жестко детерминированы не были. Наступление эллинизма закономерно в том смысле, что в эволюции древнегреческого общества был закономерен этап преодоления кризиса полиса, конкретно-исторической формой которого стала обозначаемая данным термином совокупность явлений; при этом предпочтительная реализация среди возможного спектра таких форм именно этой не была закономерна и предопределена. Кроме того, поскольку

⁷⁴ Исаева 1994. С. 165–173.

⁷⁵ И.Е. Суриков смелыми мазками рисует вероятную картину победы Афин в Пелопоннесской войне и объединения под их властью Эллады, вплоть до похода на Восток задолго до Филиппа II и Александра (Суриков 2011. С. 63). Все же оценить правдоподобие такой картины нет средств; а тенденции политического развития Греции IV в. до н.э., о которых мы сейчас говорим, наблюдаемы.

⁷⁶ Э.Д. Фролов говорил, что наступление этого этапа было неизбежно в общем ходе греческой истории, для которой характерно «непрерывное, хотя в общем малоуспешное, стремление к преодолению полиса»; окончательно оно реализовалось уже не в эллинистическое, а в римское время (Фролов 2004. С. 54).

начало эллинизму было положено завоеваниями Александра, открывшими широкую экспансию на Восток эллинского мира, естественно, что далеко не все черты этого этапа его истории генетически связаны с этапом предыдущим: в целом понятие эллинизма не только конкретнее, чем понятие об этапе преодоления кризиса греческого полиса, но и совпадает с ним лишь отчасти, хотя и в существенных чертах. Мы ограничены (хотя, как мы видели выше, не абсолютно) в возможностях суждения о том, какими могли бы быть иные формы этого закономерного этапа. Можно, однако, с уверенностью сказать: распространять на них термин «эллинизм» в нашем его употреблении заведомо не стоило бы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е.С. Голубцовой. М.: Наука, 1983. Т. 1–2.
- «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб.: РХГА, 2016. 733 с. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 82; Серия II: Исторические исследования, 39).
- Вейцберг И.П. Предэллинизм на Востоке // История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова и др. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. 2: Расцвет древних обществ. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 183–197.
- Габелко О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы научной конференции / Под ред. О.Л. Габелко. Казань: Отечество, 2009. С. 171–181.
- Гаибов В.Г., Кошеленко Г.А., Сердитых З.В. Эллинистический Восток // Эллинизм: восток и запад. М.: Наука, 1992. С.10–59.
- Глушкина Л.М. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е.С. Голубцовой. Т. 2: Кризис полиса. М.: Наука, 1983. С. 5–42.
- Глушкина Л.М. Предэллинизм на Западе: Греция и Македония в IV в. до н.э. // История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова и др. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. 2: Расцвет древних обществ. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 218–244.
- Дройзен И.Г. История эллинизма. М.: К.Т. Солдатенков, 1890–1893. Т. 1–3.
- Зельин К.К. О построении истории эллинизма в «Истории древнего мира» АН СССР // ВДИ. 1938. № 3. С. 338–344.
- Зельин К.К. Рец.: Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950 // ВДИ. 1951. № 2. С. 142–150.
- Зельин К.К. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) (Всемирная история, т. II. Часть IV, гл. V, § 1) // ВДИ. 1953. № 4. С. 145–156.
- Зельин К.К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. Т. 22. С. 99–108.
- Зельин К.К., Трофимова М.К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М.: Наука, 1969. 244 с.
- Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература». 1994. 255 с., илл.
- Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., Высшая школа, 1980. 415 с.
- История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. 534 с., илл., карты.
- История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова и др. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. Т. 1—3.
- Климов О.Ю. Проблемы эллинистической истории в научном творчестве К.М. Колобовой // История: мир прошлого в современном освещении. Сб. научных статей к 75-

- летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 581–595.
- Ковалев С.И. История античного общества. Ч. 1: Греция. Ч. 2: Эллинизм. Рим. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936.
- Ковалев С.И. Предисловие // Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1949. С. 5–18.
- Колобова К.М., Глускина Л.М. Очерки истории древней Греции. Л.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, Лен. отд., 1958. 345 с.
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. 295 с.
- Кошеленко Г.А. Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура / Под ред. Е.С. Голубцовой. М.: Наука, 1990. С. 7–13.
- Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. 320 с.
- Крих С.Б., Тарасова А.А. С.И. Ковалев и открытие эллинизма в советской историографии // Вестн. Ом. ун-та. 2014. № 1. С. 56–59.
- Ладынин И.А. Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 145–184.
- Ладынин И.А. Особенности ландшафта древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг. М., 2016. (Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4)). С. 9–32.
- Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса. М.: Наука, 1993. 287 с.
- Мель А. Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в державе Селевкидов: отношения и ожидания // ААе. 2005. Вып. 1. С. 73–85.
- Павловская А.И. «От гражданина к подданному» – имел ли место этот процесс в Греции IV в. до н.э. // ВДИ. 1998. № 4. С. 15–29.
- Ранович А.Б. Рец.: Ростовцев М. Социально-экономическая история эллинистического мира // Исторический журнал. 1945. № 2. С. 92–99 (1).
- Ранович А.Б. Эллинизм и его социально-экономические основы // ВИ. 1945. № 2. С. 99–116 (2).
- Ранович А.Б. Основные проблемы истории эллинизма // ВДИ. 1949. № 1. С. 11–28.
- Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
- Рунг Э.В. Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н.э. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2008. 484 с.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 271 с.; илл.
- Сапрыкин С.Ю. О хронологических границах понятия эллинизма // История: мир прошлого в современном освещении. Сб. научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 213–234.
- Саркисян Г.Х. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1952. № 1. С. 68–83.
- Сергеев В.С. История древней Греции. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 363 с.
- Сергеев В.С. История древней Греции. М.: Соцэкгиз, 1939. 399 с.
- Сергеев В.С. История древней Греции. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1948. 552 с.
- Сизов С.К. Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства (291–221 гг. до н.э. М.: Прометей, 1989. 172 с.
- Сизов С.К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 1990. 60 с.
- Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Година междуусобиц. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 328 с.
- Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 392 с.

- Трофимова М.К. Из истории эллинистической экономики (к вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III веке до н.э.) // ВДИ. 1961. № 2. С. 46–68.
- Фролов Э.Д. История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. 391 с. с илл.
- Фролов Э.Д. Панэллинизм в политике IV в. до н.э. // Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е.С. Голубцовой. Т. 2: Кризис полиса. М.: Наука, 1983. С. 157–207.
- Фролов Э.Д. Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура / Под ред. Е.С. Голубцовой. М.: Наука, 1990. С. 14–58.
- Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 544 с.
- Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. 2 изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 266 с.
- Шахермайр Ф. Александр Македонский. М.: Наука, 1984. 387 с.
- Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. 1. М.: Наука, 1985. С. 22–105.
- Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад. М.: Наука, 1992. С. 140–176.
- Хабихт Х. Афины: история города в эллинистическую эпоху. М.: Ладомир, 1999. 416 с.
- Хайнен Х. Эллинистический Египет в трудах М.И. Ростовцева // ВДИ. 1992. № 2. С. 163–179.
- Briant P. Rois, tributs et paysans: Études sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien. P.: Les Belles-Lettres, 1982. 539 p. (Annales littéraires de l'Université de Besançon; 269).
- Briant P. Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre. P.: Fayard, 1996. 1247 p.
- The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. 7. P. 1: The Hellenistic World. Cambridge: C.U.P., 1984. XIV, 602 p.; ill.; pl.; maps.
- The Cambridge Companion to the Hellenistic World / Ed. G.R. Bugh. Cambridge: C.U.P., 2006. XXX, 371 p.; ill.
- A Companion to the Hellenistic World / Ed. A. Erskine. Malden (Ma.); Oxford; Carlton (Va.): Blackwell, 2003. XXVIII, 585 p.; ill.
- Gehrke H.-J. Geschichte des Hellenismus. München: Oldenbourg, 2010. XV, 328 S. (Oldenbourg-Grundriss der Geschichte; 1B).
- Hansen M.H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford: O.U.P., 2010. VIII, 237 p.
- Larsen J.A.O. Greek Federal States: Their Institutions and History. Oxford: Clarendon, 1968. XXVIII, 537 p.
- Meadows A. The Ptolemaic League of the Islanders // The Ptolemies, the Sea and the Nile: Studies in Waterborne Power / Ed. K. Buraselis, M. Stefanou, D.J. Thompson. Cambridge: C.U.P., 2013. P. 19–38.
- Préaux Cl. Les continuités dans l'Égypte gréco-romaine // Actes du Xe Congrès international de papyrologues, Varsovie-Cracovie, 3–9 septembre 1961 / Ed. J. Wolski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1964. P. 231–248.
- Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford: Clarendon, 1941. Vol. 1–3.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ВИ – Вопросы истории. М.

СА – Советская археология. М.

ААе – Antiquitas aeterna: Поволжский антиковедческий журнал. Нижний Новгород – Казань – Саратов.

REFERENCES

- Antichnaya Greciya. Problemy razvitiya polisa / Red. E.S. Golubcova. M.: Nauka, 1983. T. 1–2. «Bogi sredi lyudej»: Kult pravitelej v ehlinisticheskom, postehlinisticheskom i rimskom mire / Red. S.YU. Saprykin, I.A. Ladynin. M.; SPb.: RHGA, 2016. 733 s. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova, 82; Ser. II: Istoricheskie issledovaniya, 39).
- Vejnberg I.P. Predehlinizm na Vostoke // Istoriya drevnego mira / Pod red. I.M. D'yakonova i dr. Izd. 3-e, ispr. i dop. T. 2: Rascvet drevnih obshchestv. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1989. S. 183–197.

- Gabelko O.L. Eshche raz o probleme «predehllinizma» // *Politika, ideologiya, istorio-pisanie v rimsko-ehllinisticheskom mire. Materialy nauchnoj konferencii / Pod red. O.L. Gabelko. Kazan': Otechestvo, 2009. S. 171–181.*
- Gaibov V.G., Koshelenko G.A., Serdityh Z.V. EHllinisticheskij Vostok // *EHllinizm: vostok i zapad. M.: Nauka, 1992. S.10–59.*
- Gluskina L.M. Problemy krizisa polisa // *Antichnaya Greciya. Problemy razvitiya polisa / Pod red. E.S. Golubcovoj. T. 2: Krizis polisa. M.: Nauka, 1983. S. 5–42.*
- Gluskina L.M. Predehllinizm na Zapade: Greciya i Makedoniya v IV v. do n.eh. // *Istoriya drevnego mira / Pod red. I.M. D'yakonova i dr. Izd. 3-e, ispr. i dop. T. 2: Rascvet drevnih obshchestv. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1989. S. 218–244.*
- Drozhzen I.G. *Istoriya ehllinizma. M.: K.T. Soldatenkov, 1890–1893. T. 1–3.*
- Zel'in K.K. O postroenii istorii ehllinizma v «Istorii drevnego mira» AN SSSR // *VDI. 1938. № 3. S. 338–344.*
- Zel'in K.K. Rec.: Ranovich A.B. EHllinizm i ego istoricheskaya rol'. M.–L., 1950 // *VDI. 1951. № 2. S. 142–150.*
- Zel'in K.K. Osnovnye cherty ehllinizma (social'no-ehkonomicheskie otnosheniya i politicheskoe razvitie rabovladel'cheskih obshchestv Vostochnogo Sredizemnomo-r'ya v period ehllinizma) (Vsemirnaya istoriya, t. II. CHast' IV, gl. V, § 1) // *VDI. 1953. № 4. S. 145–156.*
- Zel'in K.K. Nekotorye osnovnye problemy istorii ehllinizma // *SA. 1955. T. 22. S. 99–108.*
- Zel'in K.K., Trofimova M.K. Formy zavisimosti v Vostochnom Sredizemnomor'e v ehllinisticheskij period. M.: Nauka, 1969. 244 s.
- Isaeva V.I. *Antichnaya Greciya v zerkale ritoriki: Isokrat. M.: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura». 1994. 255 s., ill.*
- Istoriografiya antichnoj istorii / Pod red. V.I. Kuzishchina. M., Vysshaya shkola, 1980. 415 s.*
- Istoriya drevnego Vostoka: Zarozhdenie drevnejshih klassovyh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoj civilizacii. CH. 1: Mesopotamiya. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1983. 534 s., ill., karty.*
- Istoriya drevnego mira / Pod red. I.M. D'yakonova i dr. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1982. T. 1–3.*
- Klimov O.YU. Problemy ehllinisticheskoy istorii v nauchnom tvorchestve K.M. Kolobovoj // *Istoriya: mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sbornik nauchnyh statej k 75-letiyu so dnya rozhdeniya prof. EH.D. Frolova / Pod red. A.YU. Dvornichenko. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2008. S. 581–595.*
- Kovalev S.I. *Istoriya antichnogo obshchestva. CH. 1: Greciya. CH. 2: EHllinizm. Rim. M.; L.: Socehgiz, 1936.*
- Kovalev S.I. *Predislovie // Tam V. EHllinisticheskaya civilizaciya. M.: Izd. in. lit., 1949. S. 5–18.*
- Kolobova K.M., Gluskina L.M. *Ocherki istorii drevnej Grecii. L.: Gos. uch.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, Len. otd., 1958. 345 s.*
- Koshelenko G.A. *Grecheskij polis na ehllinisticheskom Vostoke. M.: Nauka, 1979. 295 c.*
- Koshelenko G.A. EHllinizm: k sporam o sushchnosti // *EHllinizm: ehkonomika, politika, kul'tura / Pod red. E.S. Golubcovoj. M.: Nauka, 1990. S. 7–13.*
- Krih S.B. *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii. M.: KRASAND, 2013. 320 s.*
- Krih S.B., Tarasova A.A. S.I. Kovalev i otkrytie ehllinizma v sovetskoj istoriografii // *Vestn. Om. un-ta. 2014. № 1. S. 56–59.*
- Ladynin I.A. Osnovnye ehtapy carskogo kul'ta Ptolemeev v kontekste obshchej ehvolyu-cii egipetskogo ehllinizma // *Mnemon: Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. Vyp. 3. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. S. 145–184.*
- Ladynin I.A. Osobennosti landshafta (Naskol'ko marksistskoj byla sovetskaya drevnost'?) // *Sovetskij landshaft drevnej ojkumeny: otechestvennaya nauka o drevnem Vostoke i antichnosti v 1920–1980-e gg. M., 2016. (Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo. 2016. № 2 (4)). S. 9–32.*
- Marinovich L.P. *Greki i Aleksandr Makedonskij. K probleme krizisa polisa. M.: Nauka, 1993. 287 s.*
- Mel' A. Razmyshleniya po povodu «gospodstvuyushchego obshchestva» i poddannyy v derzhave Selevkidov: otnosheniya i ozhidaniya // *AAe. 2005. Vyp. 1. S. 73–85.*

- Pavlovskaya A.I. «Ot grazhdanina k poddannomu» – imel li mesto etot process v Grecii IV v. do n.eh. // VDI. 1998. № 4. S. 15–29.
- Ranovich A.B. Rec.: Rostovcev M. Social'no-ehkonomicheskaya istoriya ehllinisticheskogo mira // Istoricheskiy zhurnal. 1945. № 2. S. 92–99 (1).
- Ranovich A.B. EHllinizm i ego social'no-ekonomicheskie osnovy // VI. 1945. № 2. S. 99–116 (2).
- Ranovich A.B. Osnovnye problemy istorii ehllinizma // VDI. 1949. № 1. S. 11–28.
- Ranovich A.B. EHllinizm i ego istoricheskaya rol'. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 382 s.
- Rung E.H.V. Greciya i Ahemenidskaya derzhava: Istoriya diplomaticheskikh odnoshenij v VI–IV vv. do n. eh. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya, 2008. 484 s.
- Saprykin S.YU. Bosporskoe carstvo na rubezhe dvuh ehphov. M.: Nauka, 2002. 271 s.; ill.
- Saprykin S.YU. O hronologicheskikh granicah ponyatiya ehllinizma // Istoriya: mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sbornik nauchnykh statej k 75-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E.D. Frolova / Pod red. A.Y. Dvornichenko. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. S. 213–234.
- Sarkisyan G.H. Samoupravlyayushchijsya gorod Selevkidskoj Vavilonii // VDI. 1952. № 1. S. 68–83.
- Sergeev V.S. Istoriya drevnej Grecii. M.; L.: Socehgiz, 1934. 363 s.
- Sergeev V.S. Istoriya drevnej Grecii. M.: Socehgiz, 1939. 399 s.
- Sergeev V.S. Istoriya drevnej Grecii. Izd. 2, ispr. i dop. M.: OGIZ – Gospolitizdat, 1948. 552 s.
- Sizov S.K. Ahejskij soyuz. Istoriya drevnegrecheskogo federativnogo gosudarstva (291–221 gg. do n.eh. M.: Prometej, 1989. 172 s.
- Sizov S.K. Federativnoe gosudarstvo ehllinisticheskoy Grecii: EHtolijskij soyuz. Nizhnij Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 1990. 60 s.
- Surikov I.E. Antichnaya Greciya. Politiki v kontekste ehphoi. Godina mezhdousobic. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2011. 328 s.
- Surikov I.E. Antichnaya Greciya. Politiki v kontekste ehphoi. Na poroge novogo mira. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2015. 392 s.
- Trofimova M.K. Iz istorii ehllinisticheskoy ehkonomiki (k voprosu o torgovoj konkurencii Bospora i Egipta v III veke do n.eh.) // VDI. 1961. № 2. S. 46–68.
- Frolov E.H.D. Istoriya ehllinizma v biografijah ego tvorcov // Bengtson G. Praviteli ehphoi ehllinizma. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1982. 391 s. s ill.
- Frolov E.H.D. Panehllinizm v politike IV v. do n.eh. // Antichnaya Greciya. Problemy razvitiya polisa / Pod red. E.S. Golubcovoj. T. 2: Krizis polisa. M.: Nauka, 1983. S. 157–207.
- Frolov E.H.D. Istoricheskie predposylki ehllinizma // EHllinizm: ehkonomika, politika, kul'tura / Pod red. E.S. Golubcovoj. M.: Nauka, 1990. S. 14–58.
- Frolov E.H.D. Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. 544 s.
- Frolov E.H.D. Rozhdenie grecheskogo polisa. 2-e izd. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. 266 s.
- SHahermajr F. Aleksandr Makedonskij. M.: Nauka, 1984. 387 s.
- SHtaerman E.M. Ot grazhdanina k poddannomu // Kul'tura drevnego Rima / Otv. red. E.S. Golubcova. T. 1. M.: Nauka, 1985. S. 22–105.
- SHtaerman E.M. EHllinizm v Rime // EHllinizm: vostok i zapad. M.: Nauka, 1992. S. 140–176.
- Habibt H. Afiny: istoriya goroda v ehllinisticheskuyu ehphou. M.: Ladimir, 1999. 416 s.
- Hajnen H. EHllinisticheskij Egipt v trudah M.I. Rostovceva // VDI. 1992. № 2. S. 163–179.
- Briant P. Rois, tributs et paysans: Études sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien. P.: Les Belles-Lettres, 1982. 539 p. (Annales littéraires de l'Université de Besançon; 269).
- Briant P. Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre. P.: Fayard, 1996. 1247 p.
- The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. 7. P. 1: The Hellenistic World. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. XIV, 602 p.; ill.; pl.; maps.
- The Cambridge Companion to the Hellenistic World / Ed. G.R. Bugh. Cambridge: C.U.P., 2006. XXX, 371 p.; ill.
- A Companion to the Hellenistic World / Ed. A. Erskine. Malden (Ma.); Oxford; Carlton (Va.): Blackwell, 2003. XXVIII, 585 p.; ill.
- Gehrke H.-J. Geschichte des Hellenismus. München: Oldenbourg, 2010. XV, 328 S. (Oldenbourg-Grundriss der Geschichte; 1B).

- Hansen M.H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford: O.U.P., 2010. VIII, 237 p.
- Larsen J.A.O. Greek Federal States: Their Institutions and History. Oxford: Clarendon, 1968. XXVIII, 537 p.
- Meadows A. The Ptolemaic League of the Islanders // The Ptolemies, the Sea and the Nile: Studies in Waterborne Power / Ed. K. Buraselis, M. Stefanou, D.J. Thompson. Cambridge: C.U.P., 2013. P. 19–38.
- Préaux Cl. Les continuités dans l'Égypte gréco-romaine // Actes du Xe Congrès international de papyrologues, Varsovie-Cracovie, 3–9 septembre 1961 / Ed. J. Wolski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1964. P. 231–248.
- Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford: Clarendon, 1941. Vol. 1–3.

Ладынин Иван Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент, кафедра истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ladynin@mail.ru

The Notion of Hellenism in Soviet and Post-Soviet Research A Regular Stage or an Idiographic Contingency?

The paper considers theoretical and mental biases for the perception of Hellenism as a stage in the development of slavery (A. Ranovich) or as a historically specific phenomenon (K.K. Zelyin), qualities and faults of these approaches and their destiny in later research. In author's view Hellenism, i.e. a condition of the Hellenic world after Alexander's conquests, is not a stage in a process but a form of the Greek polis' recourse from its crisis in the 4th century B.C.

Keywords: antiquity, Hellenism, Marxism, polis, Greece, Orient, Alexander the Great

Ivan Ladynin, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ladynin@mail.ru